

Я. Н. Еремеев

КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ В ФИЛОСОФИИ ИМЕНИ И ФИЛОСОФИИ ДИАЛОГА

Как известно, большинство современных моделей языка отличаются, с одной стороны, статичностью и механицизмом, с другой — субъективизмом и психологизмом.

К числу первых следует отнести многочисленные направления структурализма, начиная от Пражского лингвистического кружка и Копенгагенских глоссематиков вплоть до современной прагматики, развившейся на основе Теории речевых актов Дж. Остина — Дж. Серля. Их противниками выступили наследники психологического направления в лингвистике — деструктуралисты. Такие исследователи, как Р. Барт, М. Фуко, Ю. Кристева, в своих работах по сути осуществили *reductio ad absurdum* положения об индивидуальном, личностном характере языка и речевой деятельности.

Итак, как и в европейской философии, тезис породил анти-тезис — абстрактному рационализму на смену пришел субъективизм и иррационализм. Язык рассматривается как идеальная схема и коммуникация, как реализация одной из уже предзаданных языковых конструкций в зависимости от исходного намерения говорящего; или язык как индивидуальное речевое творчество говорящих, только в силу нелепой привычки или недостаточной сознательности своих действий пользующихся расхожими языковыми клише. Если исходить из логического закона тождества, то никакого примирения этих точек зрения быть не может. Или язык есть *ἔργον*, и тогда он сверхличен и неизменен, или он есть *ἐνέργεια*, т.е. творится в каждом индивидуальном речевом акте. Как школьная философия не смогла соединить мир идей с миром вещей, феномен с ноуменом, так и современная лингвистика не может соединить два противоположных взгляда на язык. Именно поэтому столь различные и, казалось бы, столь тщательно разработанные модели языка оказываются односторонними, далекими от реального языка. Между тем всем известный закон диалектического развития требует синтеза тезиса и антитезиса, их неслиянного единства. Язык *coincidentia oppositorum*. Он есть и *ἔργον*, и *ἐνέργεια*.

Как и любое сложное явление действительности, язык обладает антиномической природой. Он имеет и идеальное, и кон-

кретное бытие. Поэтому два направления современной лингвистики должны не противоречить друг другу, но взаимодополнять себя.

Антиномичность языка, его объективно-субъективная природа — отнюдь не новейшее открытие. Еще Платон в своем “Кратиле” подробно разбирает оба воззрения на природу слов — φύσει и ὕψει (их первичность или вторичность по отношению к человеку). Приведя убедительные аргументы в защиту и той, и другой теории, платоновский Сократ оставляет читателя при мнении, что, хотя слова имеют идеальное происхождение, однако в конкретном своем историческом бытии несут на себе печать человеческого психологизма, субъективизма, подвержены определенным изменениям¹.

Уже в Новое время один из основоположников общего языкознания В. фон Гумбольдт вновь обращается к антиномичной природе языка. Он был первым, кто указал на динамический аспект языка. “Язык, как он есть в действительности, представляется непрерывно текущим и преходящим с каждой минутой... существо языка состоит в самом акте его воспроизведения..... Живая речь есть первое истинное состояние языка”². Но тут же он добавляет: “Язык имеет самостоятельную жизнь, как бы вне человека, и господствует над ним своей силою..., и хотя действительную жизнь получает только в употреблении между людьми, но в то же время, в существе своем, он не зависит от отдельных лиц. Эти два взгляда, в которых язык представляется и чуждым душе человека и принадлежащим ей, зависящим и не зависящим от нее, действительно в нем совмещаются и составляют особенность существа его. Нельзя и не должно избегать этого противоречия, представляя себе язык в некоторых частях чуждым душе и независимым от нее, а в других только ее собственностью. ...Язык дает живо чувствовать каждому человеку, что он не более как частица целого человечества”³.

Несмотря на то, что Гумбольдт считается классиком языкознания, а многие его идеи были восприняты и развиты самыми различными лингвистическими школами, его учение об антиномичности языка не оказало заметного влияния на постсосюрговскую лингвистику. Соссюр предложил “в методологических целях” разделить язык и речь. Его последователи превратили это разделение в онтологическую пропасть и, оставшись по разным сторонам этой пропасти, до сих пор враждуют друг с другом.

Такова ситуация в “центре” лингвистического поля. Если же мы обратим внимание на его “периферию”, на области, погра-

ничные с философией, богословием, литературоведением, математикой и другими науками, то заметим иную картину. Многие мыслители, работавшие в этих областях знаний, обращались к языку и создавали свои модели, исходя именно из антиномического, диалектического взгляда на язык и языковое общение.

Остановимся на двух группах ученых, чьи взгляды нам представляются наиболее интересными:

- 1) философы имени;
- 2) философы-диалогисты.

Хотелось бы здесь коснуться наиболее общих черт этих концепций с тем, чтобы попытаться очертить некие единые контуры языковой модели этой “периферийной” лингвистики.

В разрабатывавшейся в 20-х гг. XX в. крупнейшими русскими философами А. Ф. Лосевым, С. Н. Булгаковым и П. А. Флоренским философией языка (сами они называли ее “философией Имени”) одним из центральных вопросов был вопрос о статусе, природе языка, его взаимоотношениях с человеком и миром.

В основании всей философии языка у философов Имени лежит принцип предикации. Для выражения этого всеобщего принципа А. Ф. Лосев пользуется понятиями “сущности” и “энергии”. В процессе предикации сущность (или объект) проявляет в энергиях свои существенные признаки или смысл, сама при этом оставаясь принципиально непознаваемой или апофатической. Инобытие, в котором эти энергии выражаются, воспринимает, понимает не саму сущность, а ее образ, ее смысл, выражаемый этими энергиями, и обретающий в инобытии свою форму или тело. Этот принцип справедлив на всех уровнях языка.

С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский сосредоточивают свое внимание на границе перехода идеального слова в конкретное, но также пользуются при этом принципом предикации. Так, по С. Н. Булгакову, суть языка заключается в процессе именованя, т.е. соединения идеи с конкретным объектом реального мира⁴. Продукт именованя — суждение, совпадающее по форме с простейшим двусоставным предложением:

СУБЪЕКТ	СВЯЗКА	ПРЕДИКАТ
Личное или указательное местоимение	Глагол “быть” в личной форме	Имя существительное в им. падеже, в ед. числе

На следующем этапе это предложение-суждение сворачивается в имя-субъект (формально — бывший предикат) и получает новый предикат, выражающий его процессуально-модально-временной признак (глагольное сказуемое) или просто модально-временной (именное сказуемое вместе с глаголом-связкой либо его значимым отсутствием). Процесс предикации продолжается, при этом и субъект может получить новый амодальный признак (определение) и предикат (обстоятельство и дополнение). Так происходит развертывание явленной идеи в распространенное предложение языка.

Исходя из дихотомии сущности и энергии, в рассматриваемых концепциях объясняется и взаимоотношение Перво-слова со словом естественного языка. Как свет разлагается на спектр, оставаясь при этом тем же светом, так и Перво-слово являет себя в энергиях, которые, соединяясь с конкретными образами-семами, рожают конкретные слова естественных языков.

В полной мере принцип предикации применим и на границе “язык” — “речевая деятельность”. Сам язык остается вполне трансцендентным человеку, но его явления действуют в человеческом сознании, где таким образом рождается “слово-мысль”, которое затем может выйти на коммуникативный, речевой уровень.

Тем не менее “мысль-слово” и слово в речи не тождественны друг другу. Последнее относится к первому опять-таки как энергия к сущности, а сама коммуникация, по А. Ф. Лосеву, есть “арена” встречи энергий коммуникантов. И чем яснее, точнее энергия являет сущность, тем полнее осуществляется понимание.

Все трое из рассматриваемых философов подчеркивают, что слово есть символ, являющий в конкретном образе и форме свою идею. Будучи символом, слово “подлежит основной формуле символа: оно — больше себя самого. И притом больше двояко: будучи самим собою, оно вместе с тем есть и субъект познания и объект познания”⁵. Слово оформляет мысль говорящего, рождая мысль-слово, и слово являет эту мысль слушающему в Диалоге.

Если обратиться к работе О. Розенштока-Хюсси, то можно увидеть, что и для диалогической философии характерно онтологическое понимание языка, холизм, т.е. первичным всегда оказывается целое, тогда как его части считаются производными. Язык — это не сумма слов, а некая индивидуальная целостность, «некий “эфир”, в который погружены все люди»⁶. Вспомним, что и М. М. Бахтин писал о “заданности” языка для человека. В диалогической философии “говорить — значит

проникать в надындивидуальное измерение, в сферу совокупного человеческого опыта и, будучи определенным им, оставаться в этой определенности”⁷. О. Розеншток-Хюсси уподобляет язык электрической цепи. Для того чтобы индивиду не погибнуть от изоляции, ему надо включиться в эту всемирную сеть⁸. Интересно отметить, что и современный чилийский биолог и лингвист У. Матурана делает весьма схожие наблюдения, отмечая, что люди живут в сфере языка, и поэтому в жизни человека не может быть ничего, что не принадлежало бы к этой сфере; для человека даже представить что-нибудь за пределами сферы языка невозможно⁹.

Реализация языка в речевой деятельности, сам процесс коммуникации были также подробно рассмотрены русскими философами. С. Н. Булгаков отмечал, что употребление слов в речи возможно только потому, что еще до этого употребления каждое слово выражает свою идею, так как словами, лишеными значения, ничего нельзя высказать. Однако слово может иметь конкретный смысл только в целом, в высказывании, в определенном контексте, вне которого слова суть абстракции, не существующие в действительности. “Слово-мысль никогда не может быть показано в своем чистом виде, потому что все слова оформлены и вовлечены в организм речи”¹⁰.

Подобным образом и А. Ф. Лосев писал о связи слова в речи с другими словами и о смысловом взаимовлиянии слова и высказывания текста в целом.

Эти положения полностью совпадают с мнением философов Диалога: “Ни одно предложение, которое грамматически вырывают из его взаимосвязей, не открывает ему [человеку] того, что он делает, говоря”¹¹.

Основополагающая концепция диалогической философии, как известно, заключается в необходимости для реализации речевой способности индивидуума-Другого, собеседника. “Индивидуальный речевой акт есть *contradictio in adjecto*”¹². «Крик “Пожар!” становится предложением только тогда, когда он находит какую-нибудь личность... Твои “Вот я!” или “Да, я это сделаю” завершают приказание, поскольку они устанавливают его отношение к тебе”¹³.

А. Ф. Лосев писал, что суть речевого общения состоит во взаимопонимании коммуникантов, во включении их посредством слова во внутренний мир, в сознание друг друга, в смысловом отождествлении слушающего с говорящим, и наоборот. Для реализации коммуникации необходимо “полное взаимное понимание, взаимное и сознательное намеренное сочувствие”¹⁴. При

этом важно понимание того, что не люди соединяют себя словами, употребляя язык как орудие, средство для общения, а язык соединяет людей, которые, несмотря на свое разъединение в пространстве и времени, ощущают свое единство в слове.

Последняя мысль часто звучала в трудах А. Ф. Лосева, С. Н. Булгакова, М. М. Бахтина, О. Розенштока-Хюсси. Слово, как отмечал А. Ф. Лосев, — это “стихия разумного общения живых существ в свете смысла и умной гармонии...”¹⁵. С. Н. Булгаков также утверждал, что язык — это нечто большее, чем просто средство или орудие. С помощью слова человек, “микрокосм”, становится интегральной частью мира, “макрокосма”.

В своей поздней работе “О коммуникативном значении грамматических категорий” А. Ф. Лосев особо подчеркивал, что при речевом общении не происходит прямого отражения действительности, дублирования ее; действительность, ее элементы определенным образом интерпретируются, понимаются, и это понимание сообщается другому сознанию. Поэтому можно говорить о бесконечном количестве оттенков значения каждого данного слова и каждой грамматической категории, реализуемых в конкретном, живом контексте речи.

Каждое высказывание есть в большей или меньшей степени лично окрашенная интерпретация действительности. Без такой интерпретации смысла коммуникация была бы невозможна. Так же, как П. А. Флоренский и С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев постулирует антиномичность слова. “Слово..., с одной стороны, везде тождественно, и, с другой стороны, оно везде различное. Только благодаря этой живой диалектике тождества и различия слов или грамматических категорий, только благодаря этой живой диалектике сущности и явления в области семантики и возможно общение между людьми, возможно сообщение о предметах и явлениях”¹⁶.

М. М. Бахтин в книге “Марксизм и философия языка” (1929; вышла под именем В. Н. Володинова) подробно разбирает два основных направления лингвистики, которые он называет “абстрактным объективизмом” и “индивидуалистическим субъективизмом”¹⁷. Он убедительно доказывает односторонность и недостаточность как первого из них, которое “изучает живой язык так, как если бы он был мертвым, и родной — так, как если бы он был чужим”¹⁸, так и второго, представляющего коммуникацию как биологический или технический акт, лишенный всякого объективного содержания. В реальной коммуникации происходит синтез объективного и субъективного: “Идеологичес-

кий знак жив своим психическим осуществлением так же, как и психическое осуществление живо своим идеологическим наполнением”¹⁹.

Живая речь есть как бы “общая территория” психического и идеального. Личность, индивидуум включается в мир объективного, в “идеологическое”, через “ответственный поступок”, одновременно обусловленный и свободный акт выбора. Языковое творчество проявляется как акт свободного принятия и освоения “чужого слова”. “Чужое слово признается, принимается и становится как бы своим”²⁰. В статье “Проблема речевых жанров” М. М. Бахтин заявляет вполне в духе Гумбольдта или философов имени: “...Язык входит в жизнь через конкретные высказывания (реализующие его), через конкретные же высказывания и жизнь входит в язык”²¹. Здесь же отмечается, что каждое отдельное высказывание — звено в цепи речевого общения, элемент некоего единства более высокого порядка, собственно диалога. И тут мы подходим к основному положению диалогической философии — необходимости для реализации речевой способности индивидуума-Другого, активного собеседника. Другой не просто некое ино-бытие, не-я, конкретная личность, он есть живой участник речевого общения, способный ответить на равных.

Говорящий строит высказывание, отбирает те или иные языковые средства, находясь под большим или меньшим влиянием адресата и его уже заранее предвосхищаемого ответа. Поэтому адресат — не пассивный реципиент высказывания, а активный его соавтор. К тому же сами термины “говорящий”, “адресат” ни в малейшей степени нельзя фиксированно применять к коммуникантам. Ведь говорящий, произнося высказывание, уже готовится стать слушающим, а адресат, выслушивая сообщение, уже накладывает на него свое “противослово” и таким образом тоже становится говорящим. “Действительный язык означает свободу между двумя людьми варьировать, дополнять взаимобразными путями одно и то же слово, идею, тему или языковой материал... никакая часть ни одного диалога на свете не имеет смысла, если она не воспринимается как вариация чего-то общего, что разделяется говорящим и его слушающими, и в то же время как такая вариация, посредством которой говорящий устремляет людей в новое будущее”²².

Итак, всякое понимание носит активно ответный характер, по М. И. Бахтину, “чреват ответом”, а всякое высказывание заранее ориентировано на это понимание, ответную реакцию, словом ли, действием, мыслью — все это зависит от конкрет-

ного случая. Поэтому всякое высказывание входит в “электрическую сеть” языка, потенциально может вступить в диалог с любым словом, когда-либо и где-либо попавшим в эту всемирную и всевременную цепь.

- ¹ Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 613.
- ² Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1988. С. 150.
- ³ Гумбольдт В. фон. Указ. соч. С. 155—156.
- ⁴ Булгаков С. Н. Философия Имени. М., 1997. С. 86—88.
- ⁵ Флоренский П. А. Имена. М., 1998. С. 293.
- ⁶ Пигалев А. И. Ойген Розеншток-Хюсси — мыслитель постхристианской эпохи // Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить: (Послесловие). М., 1998. С. 252.
- ⁷ Пигалев А. И. Указ. соч. С. 254.
- ⁸ Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить. М., 1998.
- ⁹ Maturana H. The Nature of Time. Santiago de Chile, 1995.
- ¹⁰ Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 21.
- ¹¹ Розеншток-Хюсси О. Указ. соч. С. 6.
- ¹² Волошинов В. И. (Бахтин М. М.). Марксизм и философия языка. М., 1993. С. 59.
- ¹³ Розеншток-Хюсси О. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁴ Лосев А. Ф. Имя: Сочинения и переводы. СПб., 1997. С. 211.
- ¹⁵ Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990. С. 166.
- ¹⁶ Лосев А. Ф. Имя: Сочинения и переводы. С. 342.
- ¹⁷ Волошинов В. И. (Бахтин М. М.). Указ. соч. С. 59.
- ¹⁸ Волошинов В. И. (Бахтин М. М.). Указ. соч. С. 84.
- ¹⁹ Волошинов В. И. (Бахтин М. М.). Указ. соч. С. 46.
- ²⁰ Богатырева Е. А. М. М. Бахтин: Этическая онтология и философия языка // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 51—59.
- ²¹ Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 431.
- ²² Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994. С. 53.

Л. М. Кольцова

ПРАГМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ

Материи все измененья —
Встречи, движенья, строй положенья ее и фигуры —
Необходимо влекут за собой и в вещах перемены.

Лукреций

Жизнь, мыслимая как текст, и текст, обретающий самостоятельную жизнь, обладающий синергетическими свойствами, —